

Кустарные промыслы и горнозаводское население Урала на рубеже XIX–XX вв.: оценки и споры современников

Н. Н. Алеврас, Т. С. Фомичева
Челябинский государственный университет

Рубеж прошлых двух веков в промышленной культуре Урала ознаменовался не только наращиванием темпов индустриальной модернизации, но и явными признаками утраты Уралом бывшего лидерства в российской металлургии. Не иллюстрируя в данном случае хорошо известные факты подъема производительности уральских заводов в 80–90-е гг. XIX в. и резкого ее снижения в 1901–1909 гг.¹, обратим внимание на те социальные проблемы, которые вызывали тревогу у заинтересованных современников. Среди последних будем иметь в виду представителей различных социокультурных групп: горнозаводского населения, общественности, горнозаводчиков, управленческих (министерских и горнозаводских) структур.

Социальная напряженность в горнозаводском регионе нарастала с момента реформы 1861 г. Она выражалась различными формами явного и скрытого, но глубокого и перманентного конфликта между населением заводских округов и администрацией заводов. Ситуация экономического отставания, или «задержанного» по сравнению с другими индустриальными районами развития, а в отдельные периоды (60–70-е гг. XIX в., первое десятилетие XX в.) резкого упадка и стагнации производства, выработала защитную реакцию со стороны горнозаводского населения. Она была ориентирована на преодоление существовавших для жителей горных округов огра-

© Н. Н. Алеврас, Т. С. Фомичева, 2006

ничений в области внезаводской деятельности, что в условиях сохранения известных монопольных прав горных заводов находило противодействие со стороны горнозаводской администрации.

Острота социального непонимания между низовой и властвующей культурами была связана не только с известными классовыми противоречиями. Она осложнялась спецификой организации горнозаводского хозяйства, сохранившего существенные элементы доиндустриальных отношений. Модернизационный переход не был преодолен горнозаводским регионом и к началу XX в., что, впрочем, было характерно для общего индустриального развития России. Обе конфликтующие стороны, как социальные субъекты российской и региональной истории, являлись носителями старой промышленной культуры и с большим трудом приспособлялись к жизни в условиях буржуазных перемен. Народная среда, в данном случае – горнозаводское население, гораздо медленнее, чем иные более просвещенные социальные слои, осознавала смысл происходивших трансформаций.

Вместе с тем эта сословная группа, создавшая оригинальную горнозаводскую культуру традиционного типа, в рассматриваемый период переживала процесс своего разложения. Он возвещал формирование новой – индустриальной культуры, частью которой являлся выходящий из среды горнозаводского сословия слой уральских рабочих. Но, оставаясь до начала XX в. еще самостоятельным социальным феноменом с выраженными чертами сословности, горнозаводское население выработало свою рациональную тактику приспособления к новым условиям жизни. Эта тактика, конечно, не могла не опираться на традиционный социальный опыт и соответствующее ему историческое самосознание горнозаводского социума. Воспринимая себя как органическую часть горнозаводской промышленности, уральские мастера пытались выстоять в новых исторических и жизненных обстоятельствах на основе поведенческой стратегии, соединявшей традиции крестьянской среды, с которой они историко-генетически были связаны, и нового опыта, приобретенного в условиях двухвековой истории горнозаводской промышленности. Выбор хозяйственно-экономической **внезаводской** деятельности в условиях хорошо известных обстоятельств – упадка производительности заводов, низкой оплаты труда и безработицы был, однако, невелик. Мало кому из представителей заводских

жителей удавалось в качестве основного или подсобного средства существования выбрать что-либо, кроме аграрной деятельности или кустарных промыслов. Именно эти две сферы стали своеобразными островками спасения для населения заводских поселков, пытавшихся пережить кризисные периоды модернизационной перестройки.

В условиях нарастания социально-экономических проблем уральской металлургии на рубеже XIX–XX вв. судьба и перспективы развития кустарных промыслов в среде горнозаводского населения становятся объектом общественного внимания в качестве особо напряженных социальных явлений. В рейтинге актуальных вопросов горнозаводского Урала кустарничество занимало одно из лидирующих мест, уступая, может быть, лишь параллельно существовавшей проблеме обеспечения уральских мастеровых земельными наделами. Взаимосвязь этих жизненных для заводчан вопросов не случайна. Их объединяет не только логика поисков современниками выхода из социально-экономического кризиса, когда и землепользование, и кустарные промыслы населения горных округов в совокупности рассматривались как способ решения социальных проблем, но и общие истоки этих двух видов деятельности в среде заводского населения, восходящие к укладу традиционной жизни. К тому же нередко земельный надел использовался не только по своему прямому назначению, но становился либо ресурсной основой промысловой деятельности, либо территорией местонахождения кустарного заведения мастерового.

Отметим немаловажные для избранного сюжета историографические детали. В историческом ураловедении второй половины XX – начала XXI в. при повышенном интересе специалистов к истории уральских рабочих роль кустарных промыслов в их жизни и культуре не стала специальным объектом изучения. Например, в наиболее крупном исследовании положения рабочих дореволюционного Урала, созданном Д. В. Гавриловым², интересующие нас аспекты не вошли в круг авторских задач. Среди других многочисленных работ по истории уральского рабочего класса, выполненных преимущественно в жанре статей, пожалуй, только исследование Л. В. Ольховой, составляя исключение, выходило на проблемы положения и характера деятельности кустарей, в том числе живших и работавших в заводских поселках³. Сложившаяся историогра-

фическая ситуация может быть объяснена особенностями политической конъюнктуры. В науке советского времени кустарные промыслы воспринимались как область выражения мелкобуржуазных отношений. Поэтому в данный период их изучение в качестве актуальной проблематики не стало широко востребованным и утратило исследовательские перспективы, главным образом, по идеологическим соображениям. В постсоветской историографии интерес к истории рабочих и сопутствующим проблемам существенно снизился в силу адаптации российских историков к новому теоретико-методологическому вызову науки и освоению ими иной проблематики.

Предполагая, что в этих условиях могут быть утрачены традиции исследования принципиально важных аспектов уральской истории, попытаемся развернуть их, во-первых, в плоскость изучения воззрений современников на проблемы развития кустарных промыслов, во-вторых, сосредоточить внимание на позиции и историческом опыте кустарного предпринимательства такой специфической группы, как горнозаводское население. Эта сословная группа как самостоятельный объект исследования под воздействием идейных стереотипов советской историографии не вошла в категорию приоритетных тем уральской истории. Между тем вопросы ее социокультурной самоидентификации и особенности восприятия данного социального феномена современниками могут стать основой разработок проблем уральской истории с позиций социокультурного подхода. Сохраняют свою значимость и попытки раскрыть социально-экономическую природу кустарной промышленности. Нам представляется, что определения ее как особого вида народного предпринимательства, или, по словам Л. В. Ольховой, «низового капитализма»⁴, заслуживают особого внимания и приобретают актуальность в свете социальных и экономических процессов современной жизни.

Опыт интеллектуального освоения проблемы кустарных промыслов на горнозаводском Урале: 80–90-е гг. XIX в.

Проблемы развития кустарной промышленности в Уральском регионе, система представлений о ее перспективах в сознании представителей общественных кругов, выработка политической страте-

гии по отношению к ней со стороны горнозаводской администрации и государственных органов обозначились уже в 80-е гг. XIX в. Если иметь в виду, что в рамках общероссийских тенденций восприятия общественностью проблем кустарной промышленности первые обсуждения пришлось на 1870–1880-е гг.⁵, то следует признать, что Урал являлся отнюдь не последним в культурном ряду тех районов страны, которые ощутили их злободневность. В 1887 г. произошло несколько значимых событий, которые можно условно считать точкой отсчета общественного интереса на Урале к нуждам горнозаводского населения, занятого кустарными промыслами. В этом году земскими деятелями были собраны первые статистические данные об их состоянии в Мензелинском уезде Уфимской губернии. Подобные наблюдения пермских земцев были приурочены к Сибирско-Уральской промышленной выставке⁶. Тогда же состояние кустарных промыслов в горнозаводском регионе стало предметом рассмотрения комиссии по исследованию кустарной промышленности при министерстве финансов с опубликованием ряда сюжетов в XVI выпуске ее трудов. Среди них важное место занял доклад известного знатока проблем уральской промышленности В. Д. Белова⁷. Его позиция примыкала к группе сторонников развития кустарных промыслов в среде горнозаводского населения.

Концептуальный взгляд автора на проблему, по нашему мнению, во многом определил последующие публицистические оценки кустарных промыслов как социально-экономического явления уральской жизни и попытки современников найти перспективные пути их развития. Это дает повод специально остановиться на анализе упомянутого доклада как примере первого крупного интеллектуального осмысления данной проблемы, рассмотренной автором в тесном взаимодействии со всей системой социального и хозяйственно-экономического уклада горнозаводского Урала.

Позиция В. Д. Белова характеризовалась, на наш взгляд, стремлением сохранить в ходе начавшейся модернизационной перестройки те традиции дореформенной жизни, которые бы смягчили трансформационные процессы и содействовали органичному вживанию в новую систему прежних социокультурных стереотипов населения, содействуя этим самым формированию социума, внутренняя

конфликтность которого была бы сведена к минимуму. Важно при этом заметить, что проблемы кустарной промышленности рассматривались им в контексте его представлений о неизжитом после реформы 1861 г. кризисе горнозаводского хозяйства Урала. Показателем этого состояния для В. Д. Белова являлся факт неспособности Урала противостоять промышленным конкурентам. Развитие кустарных промыслов казалось В. Д. Белову одним из условий, которое могло бы решить не только социальные проблемы населения, но и содействовать выходу из кризиса самой горнозаводской промышленности. Идея взаимного интереса – заводчика и горнозаводского мастерового – лежала в основе его проекта решения проблемы путем сбалансированного развития крупных и мелких форм промышленно-предпринимательской деятельности. Он доказывал, что промышленная инициатива, идущая снизу и организованная в различные типы производственных объединений, будет способствовать потреблению заводской продукции, а значит, расширению внутреннего рынка продукции горных заводов. Поддержка же уральскими промышленниками заводских кустарей путем кредитования их предпринимательской деятельности, к чему и призывал В. Д. Белов, должна была стать важным условием создания благоприятных для двух уровней промышленности основ развития. Он полагал, что встречное движение кустаря и заводчика становится залогом «взаимной пользы» кустарной и горнозаводской промышленности. «Кустарное дело как форма труда есть дело живое, обладающее притом громадною силою роста», – считал В. Д. Белов. На этой основе он пришел к выводу о том, что кустарный и артельный труд являются сферой примирения интересов «капитала и труда»⁸.

Отстаивая идею развития кустарных промыслов, В. Д. Белов, по сути, бросал вызов одному из составляющих элементов монопольного права старой уральской промышленности, а именно – производить металлургическую продукцию. В его общей концепции «союз» кустаря и заводладельца являлся одним из компонентов процесса разрушения замкнутости и «натуральности» горнозаводских хозяйств. В. Д. Белов оставался приверженным своей идее развития кустарной промышленности как способу решения комплекса уральских проблем, в течение всей жизни озвучивая ее в конце XIX – начале XX в. на съездах уральских горнопромыш-

ленников, в министерских комиссиях, в периодической печати, частных беседах⁹.

Весьма значимым событием, активизировавшим интерес к области кустарного производства, стало посещение в 1895 г. уральских заводов министром земледелия и государственных имуществ А. С. Ермоловым. Примыкая к либеральному крылу правительственных сил, возглавляемому С. Ю. Витте, он ориентировался на идею свободы промышленного предпринимательства. Его доклады и отчеты о результатах деловой поездки, публиковавшиеся наблюдения современников об его отношении к принципам организации различных форм производственной деятельности, не оставляют сомнений в его стремлении создать условия для развития мелкого предпринимательства. «Распространение» среди населения кустарных промыслов рассматривалось им в качестве составного элемента в системе мер, предлагаемых для решения хозяйственно-экономических и социальных проблем горнозаводского Урала¹⁰. Можно предполагать, что позиция министра корректировалась многочисленными прошениями мастеровых, а также записками представителей земских учреждений, подчеркивавших актуальность для населения проблемы кустарных промыслов. Вероятно, что в его руки, наряду с многочисленными прошениями, собранными во время поездки, попала и докладная записка Пермской земской управы, посвященная вопросу об организации работы кустарей на ряде уральских заводов. Земцы, в частности, ставили вопрос о необходимости снабжения кустарных заведений мастеровых заводским чугуном для изготовления сельскохозяйственных орудий¹¹.

С 1897 г. в уральской периодике развернулась дискуссия о рабочем вопросе на Урале. Она оказалась тесно сопряженной и с проблемой развития кустарной промышленности в горнозаводском регионе. Ведущей фигурой полемики явился известный журналист и публицист В. А. Весновский¹². Главным его оппонентом выступал Н. П. Штейнфельд, пытавшийся доказать наличие «благоприятных условий» для жизни уральских рабочих и отсутствие на Урале «рабочего вопроса». Серия статей В. А. Весновского¹³ отражает позицию либерально-демократической общественности, осознававшей необходимость экономических и социальных преобразований как в области организации крупной промышленности, так и в сфере

жизни мастерового населения, пытавшегося приспособиться к новой экономической ситуации путем развития в своей среде мелкого (кустарного) производства. В концептуальном отношении В. А. Весновский был очень близок версии В. Д. Белова, что демонстрируется прямыми ссылками на мнение последнего и приводимые им факты. Публицист со своей стороны существенно расширил фактическую основу проблемы, доказывая, что преследования заводских кустарей со стороны заводских администраций являлись частью старой политики горнозаводчиков, направленной на сохранение прежней зависимости мастерового населения от заводской деятельности. «Противокустарная политика» заводоуправлений рассматривалась им как выражение патриархальных основ уральской горнозаводской промышленности. Кустарные промыслы мастеровых и их перспективное развитие он рассматривал в качестве не только одного из способов решения социальных проблем полубезработного населения заводских поселков, но и переустройства собственно горнозаводских хозяйств региона.

Позиция В. А. Весновского нашла поддержку в разнообразных корреспонденциях и статьях уральской периодики конца XIX в.¹⁴ Схожий с Весновским взгляд на проблему выразил, в частности, горный инженер Е. Н. Васильев. В 1897 г. он определил, что вопреки препонам развитию кустарных форм промышленности увеличившийся спрос на металл был вызван потребностями в нем, главным образом, «местных кустарей, занимавшихся изготовлением железных изделий». По его наблюдениям, из 18,8 тыс. пудов железной продукции заводов 25 % реализовывалась на местном рынке¹⁵, что могло свидетельствовать о масштабах деятельности и потребностей в сырье кустарей заводских поселков.

На фоне поддержки идеи развития кустарной промышленности, преобладавшей в публицистике, становится ясным факт признания уральской общественностью основных выводов, к которым пришли члены специальной экспедиции, работавшей на Урале в это время под руководством Д. И. Менделеева¹⁶. Примечательно, что организация экспедиции пришлась на то время, когда уральские заводы, казалось бы, находились на гребне своей производительности. Тем не менее сравнительный анализ состояния горнозаводской промышленности Урала вызывал в среде высшего чиновничества

и специалистов горного дела опасения относительно перспектив ее развития и социальных последствий ее экономического отставания. Поэтому члены экспедиции затронули проблемы положения заводского населения, в том числе связанные с кустарной промышленностью.

Как и В. Д. Белов, Д. И. Менделсев полагал, что различные формы мелкой промышленности являются толчком для развития крупного производства. Выражая позицию министерства финансов и его тогдашнего руководителя С. Ю. Витте, Д. И. Менделеев критически воспринял факты притеснений кустарей в горных округах. Поддерживая мероприятия по земельному наделению заводского населения, он предполагал, что из этих мастеровых – земельных собственников сформируются предприниматели: «...на крестьянской... земле найдутся свои руды, возникнут свои заводы»¹⁷.

Ироничное определение им действий заводских властей в отношении мастеровых-кустарей через характерный глагол «не пущать» нашло полное понимание в либеральной публицистике. Обращаясь к конкретным фактам отказа заводской администрации идти навстречу просьбам кустарей относительно снабжения их лесным материалом, он подобную ситуацию комментировал следующим образом: «...пусть лучше лес гниет, но сдать его нельзя, так как он может-де пригодиться самим заводам, а сдача его может родить соперников рядом». Особенно опасались конкурентов в районах, прилегающих к ведущим коммуникационным путям Урала, поскольку эти территории представляли повышенный коммерческий интерес для крупного капитала, не допускавшего сюда соперников. Стремление заводов сохранить за собой прежнее монопольное право рассматривалось Д. И. Менделеевым в качестве «заглавной причины» медленного развития уральской железной промышленности¹⁸. Отсутствие необходимых условий для развития мелкой промышленности являлось для него дополнительным аргументом в пользу идей реформирования хозяйственно-экономической базы горнозаводской системы и совершенствования дорожных коммуникаций¹⁹.

Таким образом, можно констатировать, что в общественных настроениях конца XIX в. преобладало сочувствие мастеровым, пытавшимся обеспечить свой быт дополнительными, кроме завод-

ских заработков, источниками существования. Стремление мастеровых добиться, наряду с земельным обеспечением, устранения препятствий для свободного мелкого предпринимательства, рассматривалось общественностью как естественная в условиях буржуазных преобразований задача социальной группы, создающей для себя необходимые источники выживания в новых исторических условиях.

Может показаться, что своеобразная реанимация в деятельности горнозаводского сословия традиционного опыта должна была выглядеть как цивилизационное противоречие и составить препятствие для формирования буржуазной социально-экономической культуры. Однако, на наш взгляд, парадоксальность как самой исторической ситуации, характеризующейся возрождением доиндустриальных хозяйственных и бытовых традиций, так и концептуальных версий современников, предлагающих подобные пути решения проблем, является мнимой. Особенности исторического развития России, в том числе и Уральского региона, не создавали условий для формирования классической модели их буржуазного облика. Напротив, многоукладность экономики, сочетавшей буржуазные формы и протоиндустриальные элементы промышленной деятельности, являлись реальностью и становились характерной линией модернизационного переустройства региона данного времени.

Многие из современников, осознававших процесс буржуазных перемен в индустриальной и социальной сферах российской жизни, полагали, что производственно-социальный опыт традиционного типа в новых условиях мог наполниться иным содержанием и содействовать не только утилитарным задачам социального выживания населения горных заводов, но и активизации модернизационной перестройки самой горнозаводской промышленности. Взгляды сторонников обеспечения горнозаводского населения как земель, так и условиями для развития кустарных промыслов могут быть глубже поняты через факт определения ими смысла горно-окружной системы Урала как наиболее традиционного элемента хозяйственно-экономической жизни региона, требующего первоочередного реформирования. В новых условиях сфера мелкого (кустарного) предпринимательства, как и система землепользования горнозаводских жителей, оставшихся без заводской работы или ею

недостаточно обеспеченных, становилась фактором определенной экономической независимости мастерового населения, не приобретенного, как известно, и после реформы 1861 г. состояния полной свободы.

Исторический опыт кустарного предпринимательства

В среде уральских историков утвердилось мнение о широком развитии на горных заводах различных ремесел, торговли и мелкой промышленности уже с 30–40-х гг. XVIII в. Интенсивная торгово-промысловая деятельность в горнозаводских центрах издавна была представлена кузнечным, подносным, сундучным, колесным и прочими промыслами, опиравшимися на сырьевые ресурсы горных заводов – металлы и лесные материалы. Кроме того, в заводских поселках сформировались кадры ремесленного производства продукции широкого потребления, отвечающей повседневным запросам заводских жителей. Здесь изготавливались и продавались кожи, мыло, свечи, обувь, одежда, домашняя утварь и прочие произведения заводских кустарей и ремесленников²⁰. А. С. Черкасова пришла к выводу, что для «одних заводских людей эти ремесла и промыслы были дополнением к заводскому заработку, для других – основным занятием»²¹. Заложенный с момента формирования горнозаводского региона алгоритм соотношения заводской и ремесленно-кустарной деятельности, варьируясь, конечно, во времени и пространстве, оставался характерной чертой быта горнозаводского населения.

Обратимся к самой заинтересованной из различных групп современников, реагировавших на проблему кустарных промыслов как актуальную, – горнозаводскому населению. «Голос» представителей горнозаводского сословия и соответственно их взгляд на проблему сохранился в их записках-прошениях, делопроизводственных материалах различных, в том числе судебных, инстанций, корреспонденциях в прессе, публицистике, земских обследованиях и других источниковых комплексах²². Поскольку подобная источниковая информация основана не только на непосредственном восприятии проблемы горнозаводским населением, но имеет существенный интерпретационный импульс со стороны иных со-

циальных групп, то следует, конечно, учитывать особенности ее формирования как комплексной и синтетической. Тем не менее она позволяет говорить, что собственная позиция в этом вопросе заводских мастеровых была простой и ясной. Она выражалась явным хозяйственно-экономическим интересом определенной прослойки населения заводских поселков к области мелкого предпринимательства. Кустарное производство оказывалось востребованным жизнью как один из независимых от заводской производительности источников дохода населения.

Первые земские обследования состояния кустарной промышленности на Урале позволяют уловить основные тенденции, характеризующие динамику формирования кустарных заведений во второй половине XIX в., в том числе в уездах, сосредоточивших на своей территории значительную часть горнозаводских предприятий²³. Собранные в середине 1890-х гг. пермскими земцами сведения о времени возникновения зафиксированных кустарных предприятий отражают общую в губернских масштабах картину отношения народной среды к кустарничеству. Во всех уездах Пермской губернии из 8884 семей, занимавшихся кустарными промыслами, 16,0 % датировали возникновение собственной промысловой деятельности дореформенным периодом – 40–50-ми гг. XIX в. и более ранним, не уточненным переписью временем. После реформы 1861 г. наиболее существенные темпы роста кустарей пришлись на 70–80-е гг. XIX в., когда возникло 46,6 % кустарных заведений. Первая половина 1890-х гг. характеризовалась снижением темпов формирования кустарных предприятий: за это время образовалось 14,6 % кустарных хозяйств²⁴. Сравнительно небольшая общая численность кустарей даже в самой экономически и культурно развитой губернии Урала сама по себе ставит вопрос об условиях развития мелкого предпринимательства в уральской провинции. Если обратиться к ситуации в горнозаводских уездах, к которым можно отнести Верхотурский, Екатеринбургский, Красноуфимский, Пермский, Соликамский, то при сохранении в них общей губернской тенденции темпов образования семей кустарей увидим весьма различную по-уездную картину их численности.

Екатеринбургский уезд являлся губернским лидером в развитии кустарной промышленности: в сравнении с другими уездами

на его долю приходилось более всего семей кустарей – 17,3 %. Его приоритет в кустарной промышленности губернии вполне объясним благоприятной конъюнктурой, его выгодным местоположением в системе железнодорожного сообщения и наличием на его территории крупнейшего экономически и культурно развитого города губернии. Существенно меньшую долю кустарных хозяйств имели Красноуфимский и Пермский уезды – около 9,6 и 4,3 % соответственно. Аутсайдером в этом процессе был Верхотурский уезд, на территории которого находилась наиболее значительная доля горнозаводских предприятий: 178 семейств уезда, в которых существовали кустарные промыслы, составили всего 2,0 % от их общей численности в губернии. Характеризуя интересующие нас вопросы и пытаясь связать степень развитости кустарных промыслов с воздействием на них горнозаводской промышленности, нельзя, конечно, не иметь в виду наличия в Пермской губернии явно экономически отсталых районов, каковым был, например, Чердынский уезд, не являвшийся по характеру горнозаводским. В нем зафиксировано всего 34 кустарных заведений – 0,38 % от их общей численности²⁵.

Степень развития кустарной промышленности зависела от различных обстоятельств. Пермские земцы отмечали среди них масштабы и степень модернизации путей сообщения как важнейшего фактора формирования рыночного спроса на продукцию кустарных промыслов, соотношение различных сословных групп, заселивших территории уездов и имевших неодинаковый исторический опыт торгово-предпринимательской деятельности. При крайней контрастности распределения по уездам представителей государственных крестьян, как относительно независимой в экономическом отношении социальной категории, и тех, кто исторически пережил крепостное состояние, горнозаводские уезды выделялись высоким процентом проживания в них последних. Бывшие крепостные составляли по данным на 1861 г. (при среднем общегубернском показателе в 37,5 %) более половины населения Пермского (84,3 %), Соликамского (78,5 %) ²⁶, Верхотурского (65,3 %), Оханского (64,1 %), Екатеринбургского (58,7 %) уездов. В Красноуфимском уезде их доля составила 41,8 %. Любопытно, что процент наемных рабочих в кустарных заведениях к общему числу кустарей, равный в среднем по губернии 25, выше в горнозаводских уездах.

В Екатеринбургском уезде наемные кустари составляли 43 %, в Пермском – 49, в Красноуфимском – 59, в Верхотурском – 68 %²⁷. Вполне коррелируются с этими показателями наблюдения земцев относительно связи кустарных хозяйств с земледельческой деятельностью. Для большей части горнозаводских уездов характерна повышенная доля семей кустарей, не занимавшихся «хлебопашеством». При средней ее величине в 36 % по губернии в Верхотурском уезде она составила 74,5 %, в Красноуфимском – 71,5, Екатеринбургском – 59,5 %. Аналогично высокий показатель относительно доли кустарей, не связанных с земледелием в «многорнозаводском», по словам земцев, Кунгурском уезде (60 %), объяснялся ими сосредоточенностью кустарных заведений в руках мешан Кунгура²⁸.

Приведенные показатели, характеризующие специфику собственно горнозаводских уездов, могут трактоваться как выражение некоей общей для них тенденции, имеющей сложную и противоречивую природу. Бывшие крепостные, преобладавшие здесь, с одной стороны, получили в наследство более слабую в сравнении с другими социальными группами социально-экономическую мобильность и соответствующий менталитет социума аграрного типа, не содействовавшие формированию широкого предпринимательского движения в их среде. С другой стороны, недостаточная для автономной хозяйственной деятельности земельная обеспеченность горнозаводского населения, происходивший отрыв части сословной группы от заводского труда создавали противоположные вышеописанным стратегии социально-экономического поведения. Ситуация кризиса и экономических проблем материально-бытового плана заставляли определенные слои переориентировать свою производственную деятельность в область кустарной промышленности, выступая в ней либо в качестве владельцев кустарных заведений, либо наемных работников.

Эти процессы особенно заметны на мелких, так называемых «захолустных» заводах, для которых проблема безработицы являлась наиболее актуальной. Весьма характерным в этом отношении может стать пример заводов Артинской волости Красноуфимского уезда. Материалы земской переписи Красноуфимского уезда позволяют установить взаимосвязь нескольких факторов (обеспеченность заводскими заработками, величина землепользования, роль кустар-

ных промыслов), определявших выбор трудовой деятельности жителей заводского поселка. В частности, на казенном Артинском заводе из 1201 хозяйства 903 (75 %) не обеспечивались заводскими заработками, т. е. не были связаны с заводом трудовой деятельностью. Из тех, кто работал на заводе, доход на едока в хозяйстве был крайне незначительным: 38,4 % хозяйств имели в год доход на каждого члена семьи менее 10 руб.; 41,0 % – от 10 до 20; 16,2 % – от 20 до 35; 5,4 % – 35 руб. и более²⁹. Зависимость между размером землепользования и численностью населения, занятого на заводе и в различных промыслах, дополняет характеристику выбора населением источников существования. Из всех учтенных мужчин заводского поселка, связанных с трудовой деятельностью (1741 человек), только 29,4 % работали на заводе, 70,6 % занимались местными (т. е. в заводском поселке) или отхожими промыслами. Среди общего числа кустарей (1229 человек) преобладали представители первой категории промыслов – 78,35 %. В этом заводском поселке складывался любопытный тип зависимости между размерами землепользования и различными видами производственной деятельности горнозаводского населения. В его разных слоях – не обрабатывающих землю или обрабатывающих ее от 5 до 20 и более десятин – отношение к заводскому и кустарному труду было различным. Безземельные в своей группе (816 человек, или 46,8 % от общей численности учтенных работников) распределялись по видам работ следующим образом: 20,6 % работали на заводе, 61,5 % участвовали в местных, 17,9 % – в отхожих промыслах. Сравнительно с этой численно преобладавшей группой в земледельческих слоях заводского населения наблюдалась статистическая тенденция роста удельного веса работавших на заводах, снижения доли лиц, участвовавших в местных промыслах, и увеличения процента тех, кто предпочитал отхожие промыслы. Например, среди тех, кто обрабатывал от 10 до 20 десятин земли (160 человек, или 9,2 %) 42 % работали на заводе, 37 % были связаны с местными промыслами и 21 % уходили на промыслы в другие местности³⁰.

Ситуация на Артинском заводе может рассматриваться как типичная для горнозаводских предприятий Урала, не сумевших адаптироваться к индустриальной перестройке. Завод не мог уже потреблять кадровый потенциал мастерового населения, величина

заработной платы заводских рабочих не отвечала даже их скромным потребностям. Земельная необеспеченность большей части мастеровых делала их относительно свободными в выборе источников существования. Именно безземельные, наиболее пролетаризированные слои выразили свое негативное отношение к заводскому труду: они предпочитали заниматься местными кустарными промыслами или становились «отходниками». Вполне вероятно, что большая часть подобных заводских кустарей входила в группу наемных рабочих. Иную стратегию вырабатывали слои мастерового населения, обрабатывавшие землю. Группы заводчан, имевших в распоряжении 10–20 десятин земли и более, могли позволить себе «подрабатывать» на малопроизводительном заводе, их в меньшей степени, чем безземельных, привлекали и малоодоходные кустарные местные промыслы в заводском поселке. В то же время отходничество в этой среде оказывалось им доступнее, может быть, вследствие более высокой материальной обеспеченности.

Обобщая некоторые сведения земских переписей относительно показателей развития кустарной промышленности в горнозаводских районах Пермской губернии, можно определенно заметить устойчивую, на наш взгляд, тенденцию. При отсутствии на горнозаводской территории всего комплекса благоприятных условий в виде развитых транспортных путей, крупных культурно-экономических центров, потребляющих продукцию мелкой промышленности, правовой свободы в предпринимательской деятельности кустарные промыслы получали недостаточное развитие. Из имеющейся статистической и аналитической информации, представленной, в частности, очерками, ясно, что одним из основных тормозов к развитию мелкого предпринимательства собственно горнозаводского населения являлись известные ограничения, наложенные горным законодательством на деятельность так называемых «огнедействующих заведений». Именно эти препоны стали причиной скудности кустарных заведений, например, в таких горнозаводских зонах губернии, какими являлись Верхотурский уезд и заводские волости Соликамского уезда. Подобную ситуацию во многих заводских поселках и городах горнозаводского Урала подтверждали материалы уральской прессы³¹.

Но, несмотря на относительно слабое развитие кустарных промыслов в горных округах, выразившееся небольшим числом кустарных заведений, а вследствие этого непривлекательными социальными условиями деятельности – продолжительным рабочим днем и низкими заработками кустарей, тенденция, отражающая стремление, готовность и способность населения заводских поселков перейти в систему мелкого предпринимательства, была вполне выразительной.

Из портретной галереи уральских кустарей³²

Среди наиболее активной части мастеровых, продемонстрировавших свой предпринимательский талант, сложилась галерея своих «героев», вошедших в уральскую историю кустарной промышленности. Ее открывает мастеровой Нижнесергинского завода П. Д. Бабушкин. Его письмо, отправленное в 1887 г. в комиссию по исследованию кустарной промышленности в России и неоднократно цитируемое в публицистике конца XIX в.³³, позволяет услышать и понять заинтересованную в развитии промыслов часть горнозаводского сословия. Бабушкин нам интересен, прежде всего, как создатель народной версии проблемы кустарных промыслов, позволяющей уловить самоидентификацию заводского населения в пространстве выбора трудовой деятельности.

Изложение мастеровым «жгучих» вопросов местной жизни показывает, что обращение к кустарным промыслам рассматривалось им как **вынужденная, но неизбежная** в условиях недостатка заводских работ переориентация заводских мастеровых относительно выбора источников существования. Автор письма представлял характерный тип мастерового, привыкшего к жизни в заводском поселке и не стремившегося его покинуть даже в кризисное время. Более того, он полагал, что отлучки мастеровых из завода нежелательны, поскольку это не содействовало укреплению домашнего хозяйства и имело «вредное влияние на нравственность крестьян». Лексика его письма свидетельствует, что для него заводчане так и остались принадлежащими к сословию крестьян. Но за социокультурным традиционализмом Бабушкина вполне просматривается образ грамотного, трезво мыслящего и инициативного человека,

выдвинувшего для обсуждения общественно значимую проблему. Выражая мнение заводских кустарей, предпочитавших заниматься промыслами в родном заводском поселке, он, прежде всего, выступал против ограничений, установленных горным законодательством, которые препятствовали развитию кустарной промышленности. Среди них имелся в виду не только известный запрет на открытие «огнедействующих заведений». Немало внимания в записке Бабушкина уделялось вопросу о земельном наделении мастеровых, тесно сопрягаемому им с проблемой кустарных промыслов. Он писал: «...пока не будет... на Урале крестьянам дано лесных наделов с землей в необходимом размере и предоставлено им право без стеснения возводить на них всякого рода промышленные заведения, до тех пор не может быть не только самостоятельного развития кустарной промышленности, но даже будет падать и существующее ныне крестьянское хозяйство»³⁴.

Обеспечение горнозаводского населения землей, хотя традиционно и рассматривалось им как основа стабильности домашнего быта мастеровых, умиротворения взаимоотношений населения и заводов, но вместе с тем взгляд на эту область быта определялся и глубоко предпринимательским интересом собственника кустарного заведения. К тому же нижнесергинский мастерской прекрасно понимал, что старые времена, когда поселенные на Урале крестьяне с целью обслуживания заводов получали определенные «льготы» и «пособия», остались в прошлом. Его к заводскому местожительству притягивает уже не сам завод, с которым он, видимо, утратил трудовую связь, а собственный дом и хозяйственный комплекс при нем, включавший и кустарное заведение. В них он видит хотя и скромный, но надежный источник существования своей семьи. В связи с этим его, как и многих кустарей, более всего заботили условия для развития кузнечных, слесарных и тому подобных производств, которые легче всего было развивать в непосредственной близости от металлургического предприятия.

К имени Бабушкина можно прибавить еще целый ряд колоритных фигур. В том же Нижнесергинском заводе ваграночный промысел в 1887 г. организовал мастерской Ананьин, изготовлявший отливки для мельниц, сельскохозяйственного инвентаря и домашней утвари³⁵. Опыт его деятельности интересен в том отношении,

что он постоянно изыскивал пути рационализации производственного процесса. Первоначально вагранка была размещена на земле «общественников-мастеровых», а сырье закупалось в виде чугуна у местного населения. С удорожанием чугуна он смастерил кустарную доменную печь и устроил ее на общественной земле, имевшей залежи руды. В его заведении использовался труд мастеровых, оставшихся без заводского заработка. Для реализации продукции использовались различные пути: изготовление на заказчика, рыночный сбыт, посредничество скупщиков и Красноуфимского кустарного банка. Само собой разумеется, что Ананьин в глазах заводоуправления выглядел как конкурент, в отношении которого вырабатывалась недоброжелательная позиция заводской администрации. Только внимание, проявленное к его деятельности со стороны министра государственных имуществ А. С. Ермолова во время его деловой поездки в 1895 г., заставило заводскую власть оставить предприятие Ананьина в покое.

Из периодики того времени известен мастеровой-кустарь Саткинского завода Орлов, организовавший изготовление сельскохозяйственной техники. Производство сеялок, веялок и прочего шло так успешно, что на него также обратил внимание министр А. С. Ермолов³⁶. Из материалов о «путешествии» министра известно и о посещении им «убогой избенки» кустика Березовского завода Семенова, известного своим мраморным промыслом³⁷.

Среди мастеровых Михайловского завода, отличавшихся активностью в развитии местных кустарных промыслов и в организации артелей по изготовлению сельскохозяйственной техники³⁸, выделялся И. М. Борисов. В 1895 г. при отправке караванов по реке Уфе он снарядил собственную большую лодку, «нагруженную несколькими сотнями пудов разных изделий из листового железа, предназначенных им в продажу жителям приуфимских береговых селений и торговцам города Уфы»³⁹. Известностью на Урале пользовалась Златоустовская кустарная артель, занимавшаяся изготовлением стальных столовых приборов. Примечательно, что на сельскохозяйственной выставке в Киеве продукция златоустовских кустарей была удостоена серебряной медали⁴⁰.

Уральская периодика конца XIX в. пестрит сообщениями о состоянии кустарных промыслов в горнозаводском регионе и разнообразии их производственного профиля. Некоторые заводы к это-

му времени изменили свой прежний облик сугубо горнозаводского поселения, превратившись в «бойкие торгово-промышленные центры». Именно так характеризовался, например, Михайловский завод, в котором 73 % мастеровых с заводским трудом уже не было связано⁴¹. О злободневности проблемы кустарничества для горнозаводского населения свидетельствуют сюжеты многих корреспонденций, посвященных проектам создания сети учебных заведений по профессиональной подготовке кадров для кустарной промышленности. Вопрос о типе учебного заведения и содержании программ практической подготовки учащихся, а также месте его открытия вызывал у заинтересованных лиц даже полемику⁴². Между заводскими поселками (в данном случае Нижнесергинским и Михайловским) складывалось своеобразное соперничество за право открыть ремесленную школу или училище. Весьма характерно, что в 1897 г. в записке михайловских мастеровых, поданной прибывшему на завод директору Горного департамента Н. А. Денисову, среди наиболее актуальных вопросов экономического быта мастеровых наряду с проблемами безработицы излагались трудности, связанные с завершением строительства здания под ремесленное училище. Особо подчеркивалось, что общество мастеровых «очень нуждается» в подготовке квалифицированных ремесленников для развития кустарных промыслов⁴³. Подобные факты отражают не только понимание мастеровым населением актуальности получения профессиональной подготовки, но и ощущение ими перспективности развития кустарной промышленности в горнозаводской зоне.

Оптимистическая окраска настроений современников относительно результатов и потенциальных возможностей кустарного производства, а также положительный опыт кустарничества, представленные в предложенных сюжетах, сопровождалась и противоположной гаммой чувств и оценок. Критический настрой в восприятии реального положения кустарной промышленности определялся в первую очередь низкими доходами кустарных заведений и трудно решаемой проблемой кредитования их владельцев. Среди различных причин такого положения корреспонденты газет, отражая, по всей вероятности, мнения самих кустарей, склонны были видеть противодействие со стороны горных заводов. Поэтому нередкими в сообщениях прессы были факты притеснений кустарей и вы-

нужденном с их стороны закрытии своих заведений. Но известны случаи прямого или косвенного неповиновения кустарей административным решениям или их попытки скрыть свою деятельность от глаз заводского начальства. Пример кустика, устроившего печь для отливки изделий на колесах, чтобы прятать ее⁴⁴, стал классическим в характеристике отношения горнозаводского населения и к промысловой деятельности, и к запретительным мерам, ее ограничивавшим. Трудно разрешимыми оказывались многочисленные дела о деятельности кузниц. П. Д. Бабушкин, В. Д. Белов, а за ними и В. И. Ленин приводили факт закрытия 400 кузниц в одном только Красноуфимском уезде. Неподчинение некоторых из их владельцев требованиям заводов (например, саткинского мастерового М. Г. Сесюнина, построившего кузницу в 1882 г.) вызывало многолетние судебные истории, доходившие до рассмотрения в сенате⁴⁵.

В 1897 г. в прессе обсуждалась типичная ситуация, в которую попал мастеровой Полевского завода Н. Чирухин, в течение двух лет пытавшийся открыть литейную мастерскую и получивший отказ от заводу управления по причине недостатка «древесного стораемого»⁴⁶. Этот характерный случай стал поводом для публичного выяснения правовой основы образования и деятельности кустарных предприятий на территории заводских округов. Газета «Урал» посредством своих материалов разъясняла мастерам, что статья 394 Горного устава (напомним, что она опиралась на статьи Проекта горного устава 1806 г. и «Положения» от 8 марта 1861 г.) вводила известное запрещение на открытие «огнедействующих заведений» только на территории казенных округов. Но в 1893 г. по инициативе министра А. С. Ермолова эта норма в новом издании Горного устава была исключена⁴⁷. Тем не менее горнозаводское ведомство продолжало занимать в этом вопросе прежнюю позицию монополиста горнометаллургического производства.

Горнопромышленники и кустарные промыслы

В 1896 г. ряд уральских газет поместили сообщение об отказе горнопромышленников обсуждать предложение Министерства земледелия и государственных имуществ о разработке программы мер по развитию кустарных промыслов на Урале. Обоснованием отказа

стало утверждение об их негативном влиянии на развитие горнозаводской промышленности. Горнопромышленников по-прежнему беспокоила перспектива остаться без достаточного контингента рабочих кадров⁴⁸. С принятием упомянутого решения последовала серия отказов заводских властей удовлетворить просьбы жителей заводских поселков относительно создания ими промышленных предприятий. Это не могло пройти мимо внимания современников. Одному из них удалось установить, что с 1896 по 1900 г. на имя Главного начальника уральских горных заводов поступило более 50-ти прошений об открытии различных промышленных заведений⁴⁹. Среди них преобладали заявки на кирпичделательные (25) и кузнечные (21) предприятия. Отказ целому ряду кустарей, предполагавших заняться изготовлением кирпичей, мотивировался недостатком лесного материала, каковым заводоуправления должны были обеспечивать горнозаводское население⁵⁰. Предложения заводоуправлений снабжать кустарные заведения минеральным топливом рассматривались не только как заведомо нереализуемые, но и как своеобразный тактический ход заводских властей, рассчитывавших посредством усилий горнозаводского населения сделать открытия месторождений каменного угля, так необходимого уральским заводам. Подобное толкование позиции заводов было отнюдь не беспочвенно: в среде публицистов, да и самого горнозаводского населения бытовало убеждение, что «за все время существования крупного горнозаводского производства большинство разведок и открытий месторождений было сделано не заводчиками, а крестьянами»⁵¹. По-прежнему заводоуправления негативно реагировали на факты существования кузниц и вагранок мастеровых-кустарей.

Позиция горнопромышленников в этом вопросе зафиксирована в решениях IV съезда их представительной организации (1896 г.). Здесь, с одной стороны, признавалось, что «кустарный промысел по металлу является постоянным и полезным спутником крупной железной промышленности» вследствие использования кустарями отходов металлургического производства и некондиционных сортов железа, а также изготовления ими необходимых для заводов простейших орудий труда. С другой стороны, горнопромышленники настаивали на признании факта недостатка рабочих на ряде заводов (особенно северных), что привело их к выводу об отсутствии

условий для развития кустарных промыслов во многих местностях Урала⁵².

Решения IV съезда вызвали негативную реакцию со стороны либеральной общественности, осуждавшей заводовладельцев в их стремлении исказить реальную ситуацию положения горнозаводского населения. В одной из корреспонденций, подписанной характерным псевдонимом «Горнозаводский старожил», не только опровергались утверждения съезда об отсутствии на заводах безработицы, но была представлена концепция сосуществования двух форм промышленности – крупной (горнозаводской) и мелкой (кустарной). Неизвестный автор, озвучивая фактически идеи В. Д. Белова, В. А. Весновского и др., свидетельствовал об их внедрении в достаточно широкую общественную среду. Настаивая на необходимости развития кустарных промыслов в горнозаводских округах и содействия этому делу со стороны самих заводов, он особо подчеркивал возможность на этой основе получить многозначный социальный эффект. Он предполагал, что этот путь приведет к росту благосостояния мастерового сословия, создаст условия для приобретения «некоторой личной самостоятельности среди этого трудолюбивого и одаренного недоужинными способностями населения», будет содействовать формированию местного рынка потребления продукции горнозаводской промышленности. Оптимистически и не без определенного пафоса критик решений уральского съезда предполагал, что в результате предлагаемой им программы мастеровые перестанут быть «своего рода “непременными работниками” при заводах, нравственно и материально зависимыми от воли заводских управлений». Он мечтал, что они «сделаются действительно свободными и полноправными хозяевами своего труда, идущими на горнозаводские работы ради добровольно установленных и выгодных для себя заработных плат, а не из-за страха остаться без работы»⁵³.

Вместе с тем позиция горнозаводчиков имела и своих, если не прямых защитников, то сторонников идеи исключительных преимуществ крупного промышленного производства перед мелким. В подобных трудах проблемы кустарной промышленности в общей характеристике состояния горных заводов не рассматривались по принципиальным соображениям. «Экономическая наука до-

казывает, что крупное предприятие будет вырабатывать продукт дешевле, чем мелкое, что последнее совершенно не в состоянии конкурировать с крупным», – выражал мнение определенной части общества И. Н. Стрижов⁵⁴.

Вхождение уральской промышленности в экономический кризис начала XX в. вызвало новую волну актуального интереса к проблеме взаимоотношений заводского кустаря и горнозаводской промышленности. Среди заметных фигур, обратившихся к ней в это время, были известный горный деятель А. П. Матвеев и Е. Н. Рагозин⁵⁵. Первый из названных, занимавшийся изучением состояния внутреннего рынка горнозаводской промышленности, указывал на «оригинальное положение» уральских кустарей, поставленных заводскими запретами в безвыходное положение относительно снабжения своих предприятий сырьем и топливом. Не без сочувствия кустарю он отмечал хорошо известную черту заводского быта, когда тому «ничего не остается делать, как пользоваться краденым углем»⁵⁶.

Указанные авторы отражали мнение тех современников, которые полагали, что возросшие потребности кустарной промышленности в железе открывали новые горизонты металлургии Урала, продукция которой находила своего потребителя в Сибири и за ее пределами. Е. Н. Рагозин писал, что «создание на Урале мелкой обрабатывающей промышленности есть одно из решений вопроса о местном рынке, в чем Урал более всего нуждается»⁵⁷. Еще более определенно этот момент подчеркивал А. П. Матвеев. В деятельности кустарей, обеспечивавших потребителей, в отличие от заводов, не железным полуфабрикатом, а готовыми изделиями, он видел ту силу экономического развития, которая превращала их в незаменимого посредника в области переработки результатов традиционного заводского производства в рыночно-востребованную продукцию. «...Кустарь имеет для уральского железного сбыта огромное значение, и если бы заводы лучше понимали свои интересы, они не только не теснили бы кустаря, а наоборот, всемерно стремились бы развить его деятельность», – заключал А. Матвеев, определяя пространство сбыта кустарного производства не только Сибирью, но и волжским бассейном⁵⁸. Решение «кустарного вопроса», по мысли А. Матвеева, должно было стать основой обсуждавшейся совре-

менниками проблемы реформирования горнозаводской промышленности и, в частности, создания в ее рамках отрасли машиностроения⁵⁹.

Под напором проблем экономического кризиса горнопромышленники Урала вынуждены были менять свое отношение к области кустарного производства и его носителям. В 1902 г. печатный орган Совета съездов уральских горнопромышленников поместил заметку, подписанную псевдонимом «Уралец», которая в духе либеральной экономической мысли призывала горнозаводчиков войти в контакт со сферой кустарного производства и взять на себя часть забот по реализации кустарной продукции за пределы Уральского региона⁶⁰.

Злободневность кустарного вопроса подчеркивается фактом более пристального внимания к нему со стороны горнопромышленников на их XI съезде (1903 г.). Впервые за годы существования съезда в ходе его очередного созыва был сделан доклад «О положении кустарной металлообрабатывающей промышленности и о мерах к ее развитию»⁶¹. Фактическая основа доклада опиралась на материалы земских обследований кустарной промышленности, проведенных в рамках Пермской губернии и ее отдельных уездов во второй половине 1890-х гг. Выборочная статистика, представленная в докладе по 14 заводам Екатеринбургского уезда, зафиксировала наличие в них 520 кустарных заведений, занимавшихся изготовлением изделий из чугуна, сортового и листового железа. В них работало 1572 рабочих, общая сумма оценки вырабатываемой продукции составляла 504,1 тыс. руб. Сведения о способах приобретения сырья и реализации кустарного производства привели авторов доклада к выводу о том, что более 50 % кустарей приобрели статус независимых от заказчика или скупщика производителей⁶². Это и другие наблюдения в контексте рассматриваемой на съезде проблемы могли означать, что для горнозаводчиков сложности положения кустарей казались надуманными. Несмотря на большой фактический материал о кустарных промыслах, представленный XI съезду, горнопромышленники продемонстрировали в лучшем случае более спокойное, чем раньше, отношение к факту их существования. Каких-либо движений в сторону известных пожеланий либеральной общественности оказать содействие развитию кустарной промышленности и на этой основе установить с ней взаимовы-

годные экономические отношения в материалах этого съезда не заметно.

Проблемы кустарной промышленности в условиях экономического кризиса: планы правительства и позиция общественности

Однако с нарастанием экономического кризиса представители съезда уральских горнопромышленников чаще высказывались в поддержку идеи развития кустарной промышленности. В марте 1907 г. председатель Совета съезда В. В. Желватых в одном из своих интервью подчеркивал, что для выхода из кризиса необходима разработка комплексной программы, в которой был бы сбалансирован весь блок социально-экономических проблем горнозаводского Урала. Наряду с задачами решения топливного вопроса, развития железнодорожного строительства, завершения землеустройства населения он считал необходимым подчеркнуть актуальность поддержки различных промыслов среди населения. Речь, правда, шла о программе, которую горнопромышленники ожидали получить от правительства⁶³. Таковая программа действительно начала обсуждаться в ряде министерств в 1908–1909 гг., а впоследствии – в междудомственных совещании и комиссии.

В марте 1910 г. П. А. Столыпин, выражая чрезвычайное беспокойство кризисным положением Урала, предложил министру торговли и промышленности С. И. Тимашеву для устранения «грозящей опасности» социальной катастрофы (особенно на закрывавшихся заводах) срочно командировать в горнозаводские округа специальную междудомственную комиссию, призванную совместно с губернскими властями выработать систему мер поддержания населения и заводов. В ней наряду с проблемой земельного наделения особое значение придавалось и развитию кустарных промыслов⁶⁴. Разрабатывавшаяся в 1910 г. инструкция⁶⁵ для экспедиционного обследования уральских заводов содержала довольно смелую и даже экстравагантную в социально-экономическом отношении программу поддержки кустарной промышленности за все время обсуждения этой проблемы в правительственных кругах. Хотя на бюрократическом языке документ предполагал «насаждать» в среде населе-

ния закрывающихся в условиях кризиса заводов различные виды кустарных производств, но был ориентирован на широкую государственную поддержку их развития. Среди отраслей кустарной промышленности особо выделялись деревообрабатывающие и металлообрабатывающие, т. е. те, развитие которых в свое время вызывало протест со стороны заводов. Планировалось организовать реализацию изделий кустарей в виде оконных и дверных рам, готовых деревянных домов, различных деревянных конструкций-полуфабрикатов, а также металлической продукции (имелись в виду подковы, различные модели проволоки, сеток, замков, гвоздей и т. п.) не только на отечественном, но и на зарубежном рынке. В частности, сбыт предполагался в английские колонии и Аргентину. Разработчики проекта программы (она была подписана товарищем министра торговли и промышленности Д. П. Коноваловым) специальное внимание уделили проблеме организации кредитных товариществ и кооперативов кустарей различного профиля и даже возможностям их производственного взаимодействия с соответствующими формами производства в Англии и ее колониях. Эти меры, по мнению авторов проекта, должны были обеспечить уральским кустарям благоприятные условия реализации их продукции, минуя услуги посредников.

Впервые были подняты вопросы об обеспечении системы кустарной промышленности путями сообщения, энергетической основой, лесными материалами, а также о создании соответствующих юридических оснований, облегчающих ее развитие в системе горнопромышленного права. Не исключалась возможность экономических контактов «кооперативного капитала» и «коренного заводского производства». Специально были выделены вопросы о необходимости учреждения профессиональных школ для подготовки ремесленников широкого спектра производств.

Таким образом, данная правительственная программа выхода уральских заводов из кризиса на этапе ее разработки была ориентирована на реформирование сферы мелкого предпринимательства в рамках тех тенденций, которые отстаивала либерально настроенная общественность. Однако реализовать эту программу не удалось. При ее обсуждении в мае 1911 г. в Совете министров она была заблокирована В. Н. Кокорцовым. Как министр финансов он резко возражал против предоставления кредитов для ее реализации, полагая,

что главные усилия правительства должны быть сосредоточены на развитии горнозаводской промышленности. Были отвергнуты все идеи, направленные на переориентацию производственных занятий мастеровых с заводских работ на сельскохозяйственные и кустарные. Из всех выдвигаемых различными комиссиями предложений министр счел возможным сохранить только один элемент социальной программы – землеустройство населения⁶⁶.

Подобный исход решения проблемы не соответствовал ни позиции горнозаводского населения, ни настроениям общества. В горнозаводских округах в это время шла борьба населения за получение прав собственности на недра своих земельных наделов⁶⁷. Она свидетельствовала о стремлении мастеровых использовать возможности земельного обеспечения в целях развития старательского промысла, который традиционно на Урале представлял форму мелкого предпринимательства. Уральская пресса и общественные деятели были на стороне мастеровых. А. К. Денисов-Уральский, в частности, выступил в их защиту, подчеркивая, что известные привилегии горнопромышленников создавали неблагоприятные условия для существования кустарных промыслов и, более того, формировали аморальные черты социальной психологии мастеровых. Он писал: «Лишение права легальным путем разведывать и разрабатывать ископаемые вело только к развитию дурных инстинктов населения, развращало его и создавало из них воров вместо добропорядочных и истинно здоровых людей, могущих работать спокойно, добывая богатства, которыми изобилует Урал»⁶⁸.

Большая часть деятелей, причастных к изучению социально-экономической картины Уральского региона в первом десятилетии XX в., подчеркивала значимость и необходимость создания благоприятных экономических и правовых оснований для формирования мелкой промышленности. В то же время для взглядов публицистов и общественных деятелей этого времени характерно противопоставление мелкой промышленности кустарной. Например, А. Н. Митинский специально подчеркивал, что перспективы развития крупного промышленного производства вполне можно связывать со сферой мелкой промышленности, но отнюдь не с кустарной, «приручающей только голодать и обогащать скупщика»⁶⁹. В отличие от него И. Х. Озеров не исключал среди средств «оживления» уральской промышленности развитие мелких промыслов. Он присоединился

к тем, кто в этой сфере предпринимательства видел основу расширения внутреннего рынка продукции горных заводов⁷⁰. В кустарной промышленности он видел «ячейки для выращивания... крупной промышленности»⁷¹. Среди обсуждавшихся в это время вопросов актуальным являлось создание системы кредитования кустарей. На это И. Х. Озеров также обращал специальное внимание. Рассуждая о кредитовании российской кустарной промышленности в целом, он ставил в пример Пермский кустарный банк. Его учреждение и деятельность, по мнению автора, позволили «вырвать кустаря из зависимости скупщиков и ростовщиков и сделать его самостоятельным». Вместе с тем он считал необходимым развивать и другие способы активизации деятельности и укрепления экономического потенциала кустарей. В частности, он предлагал создание сети кустарно-торговых складов при уездных управах и лавках обществ потребителей, а также организацию оптовой заготовки сырья⁷².

О необходимости создания «прочной органической связи» крупного и мелкого производителя в качестве взаимообусловленной основы выживания уральской металлургии и металлообработки в атмосфере новой буржуазной эпохи, а также важного условия ликвидации «враждебных начал», сложившихся в крупной промышленности по отношению к мелкой (кустарной), продолжал настаивать В. Д. Белов в своей последней работе⁷³.

Кустарные промыслы к концу дореволюционной эпохи

Определенный итог развития кустарных промыслов на Урале в конце XIX и в первые десятилетия XX в. был представлен в специальном очерке, помещенном в известном справочном издании, опубликованном в 1917 г.⁷⁴ Вероятно, в соответствии с рекламными задачами указанного справочника характеристика состояния мелкой промышленности дана в нем исключительно в оптимистических тонах. Авторы очерка создали картину интенсивно развивавшейся сети мелкого производства, насытившего своей продукцией местный рынок и сумевшего организовать ее сбыт за пределы Уральского региона, в том числе в Казанскую, Вятскую, Нижегородскую губернии и Сибирь. Особо отмечалось, что в регионе сложилась система взаимного товарообмена кустарной и сельскохозяйственной продукции. Это наблюдение позволяло делать вывод

о большом экономическом значении для Урала «кустарного труда», результаты которого измерялись «довольно крупной цифрой в несколько десятков миллионов рублей». В очерке подчеркивалась роль ведущих кустарных производств, связанных с обработкой металла – кузнечно-клепального, чугунно-литейного, экипажного, деревообрабатывающего, гранильного, изготовления сельскохозяйственной техники и др., которые были сосредоточены в крупных заводских поселениях и находились в зависимости от судьбы заводов, часть которых прекращала свое производство.

Среди причин, определивших успех кустарного производства, указывались материальная и инструкторская помощь правительства и земств. Она, по мысли авторов, приобрела модель целостной системы, состоящей из «учебно-показательных» мастерских, института кустарных уездных и районных техников, возглавляемого губернским кустарным бюро, земского кустарно-промышленного банка, касс мелкого кредита⁷⁵. Но раздел справочника о кустарном деле, к сожалению, почти не снабжен статистической информацией. Имеющиеся весьма скудные данные ограничены временем конца XIX и самого начала XX в. В некоторых случаях в нем указываются предположительные сведения. Справочный стиль изложения не имеет выраженной концептуальной версии, если не считать таковой общую мысль о развитом состоянии кустарной промышленности и благополучии кустарей, наблюдаемых автором в середине – конце второго десятилетия XX в.

Предложенный в справочном издании образ сферы кустарного производства накануне революций и Гражданской войны может быть принят как свидетельство того, что в это время были сохранены прежние тенденции укрепления позиций кустарных промыслов в системе предпринимательства. Не вызывает сомнения позитивное отношение авторов издания к области кустарной деятельности как перспективной. Но более сложную и многоаспектную картину ее состояния в данный период доносит профильная периодика (например, такие издания, как «Вестник кустарной промышленности», «Кустарный труд», «Артельное дело»), а также статистические и справочные издания второго десятилетия XX в., содержавшие информацию о кустарных производствах. Сам факт их появления может служить веским аргументом в пользу жизнеспособности кустарной формы предпринимательства и плодотворности идей

современников, отстаивавших ее необходимость. Прекрасной иллюстрацией этого суждения, на наш взгляд, является одно из исследований Л. В. Ольховой. Используя богатую палитру указанных первоисточников, автор представила колоритную картину состояния кустарной промышленности в середине второго десятилетия XX в.⁷⁶ Приведенные ею факты свидетельствуют, что несмотря даже на условия военного времени, вызвавшие упадок многих традиционных для горнозаводского Урала видов промыслов, уральский кустарь не утратил способности развивать коммерческую деятельность. Проявляя предпринимательскую гибкость и изобретательность, он сумел приспособиться к новым запросам времени. Предшествующий опыт кустарной деятельности оставался в первые десятилетия XX в. не только востребованным, но и содействовал формированию кооперативных объединений кустарей, а также развитой системы кредитных учреждений, что свидетельствовало о новой фазе развития кустарной промышленности и, вероятно, экономических перспективах ее развития.

Подводя итоги, отметим, что изучение кустарной промышленности дает возможность существенно расширить горизонты экономической картины Уральского региона, а также представить галерею образов современников, которые воспринимали проблемы жизни и облик главного субъекта горнопромышленного Урала – горнозаводского населения – через разнообразные характеристики его деятельности. С этой точки зрения неотъемлемой чертой образа уральского мастерового являлись не только заводской труд и хорошо известная его тяга к землепользованию, но и кустарно-промысловые занятия. Таким образом, портрет представителя горнозаводского сословия рубежа XIX–XX вв. приобретает множество граней и оттенков, отражающих наслонения различных культурных традиций, проявлявшихся в его жизненной стратегии.

---

¹ См.: Буранов Ю. А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала. М., 1982; Гаврилов Д. В. Социально-экономическая структура горнозаводской промышленности Урала в период капитализма (1861–1917 гг.): методологические аспекты проблемы // Промышленность и рабочие Урала в период капитализма (1861–1917 гг.). Свердловск, 1991; История Урала в период капитализма / Под ред. Д. В. Гаврилова. М., 1990; и др.

² См.: Гаврилов Д. В. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма, 1861–1900. (Численность, состав, положение). М., 1985.

³ См.: *Ольховая Л. В.* Мелкая промышленность Урала в начале XX века (1905–1913): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1964; *Она же.* К истории развития мелкой промышленности Урала в конце XIX – начале XX в. // Вопросы экономической истории и экономической географии. Свердловск, 1964; *Она же.* Мелкая промышленность Урала в годы Первой мировой войны // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972; и др.

⁴ *Ольховая Л. В.* Мелкая промышленность Урала в годы Первой мировой войны. С. 334, 344.

⁵ См.: *Петров Г. П.* Промысловая кооперация и кустарь. М., 1920. Ч. 1. С. 56.

⁶ См.: Кустарная промышленность Пермской губернии на Сибирско-Уральской промышленной выставке в Екатеринбурге в 1887 г. / Сост. Е. И. Красноперов. Пермь, 1888–1889. Вып. 1–3; *Гаврилов Д. В.* Земская статистика как источник для изучения социально-экономического положения уральских рабочих в 70–90-е гг. XIX в. // Источники по социально-экономической истории Урала дооктябрьского периода. Екатеринбург, 1992. С. 76–77.

⁷ *Белов В. Д.* Кустарная промышленность в связи с уральским горнозаводским делом: Доклад. Отдельный оттиск. СПб., 1887. Можно напомнить, что поводом для доклада, по признанию самого автора, стало известное письмо мастерового-кустаря П. Д. Бабушкина в кустарную комиссию при министерстве финансов (о Бабушкине см. далее).

⁸ Там же. С. 29, 30.

⁹ См.: *Белов В.* Реформа Урала // Новости и биржевая газета. 1899. № 181, 188, 195, 205, 213, 235, 248, 265; Письмо Н. Н. Эсмонта А. И. Погорелову // ГАПО. Ф. р-926, оп. 1, д. 106, л. 23–30.

¹⁰ См.: Положение рабочих Урала во второй половине XIX – начале XX в. М.; Л., 1960. С. 127; Екатеринбургская неделя. 1895. № 33–38.

¹¹ Екатеринбургская неделя. 1895. № 38. С. 701–702.

¹² См.: *Алеврас Н. Н., Андреева Т. А. В. А.* Весновский – уральский публицист и краевед // Летописцы родного края: Очерки об исследователях истории Урала. Свердловск, 1990.

¹³ См.: *Весновский В. А.* Очерк экономического положения заводского населения на Урале // Урал. 1897. № 102; *Он же.* Ваграночный промысел на Урале // Там же. № 204; *Он же.* Рабочий вопрос на Урале // Там же. № 227–235.

¹⁴ См.: *Питерский Я. М.* Еще о рабочем вопросе на Урале // Урал. 1897. № 242; *Он же.* Еще о кустарно-металлической промышленности на Урале // Там же. 1898. № 446.

¹⁵ *Васильев Е. Н.* Горнозаводская промышленность России в 1897 г. // Горный журн. 1899. № 9. С. 253, 254.

¹⁶ См.: *Менделеев Д. И.* Уральская железная промышленность в 1899 г. // Менделеев Д. И. Соч. М., 1949. Т. 12. С. 1023.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 1020–1022.

¹⁹ Там же. С. 68.

²⁰ См.: *Черкасова А. С.* Мастерские и работные люди Урала в XVIII в. М., 1985. С. 132–157.

²¹ Там же. С. 156.

²² Авторы статьи использовали только часть потенциала источниковой информации, вполне осознавая необходимость дальнейшей разработки предложенной темы.

²³ См.: Очерк состояния кустарной промышленности в Пермской губернии. Пермь, 1896.

²⁴ Там же. С. 41 (подсчеты наши).

²⁵ Там же (подсчеты наши).

²⁶ По сведениям «Очерков...», кустарная промышленность горнозаводского по характеру Соликамского уезда была сосредоточена «исключительно» в немногочисленных земледельческих волостях. Доля кустарных хозяйств в нем составила 8,3 % (см.: Там же. С. 36, 41).

²⁷ Там же. С. 35.

²⁸ Там же. С. 36, 37.

²⁹ Материалы для статистики Красноуфимского уезда Пермской губернии (Заводской район). Казань, 1894. Вып. 5, ч. 1. С. 8 (процентные соотношения подсчитаны нами).

³⁰ Материалы для статистики Красноуфимского уезда Пермской губернии... С. 40–41 (процентные соотношения подсчитаны нами).

³¹ См., напр.: Сысертский горный округ // Урал. 1897. № 111; *Весновский В. А.* Из поездки по Уралу // Урал. 1898. № 465–469, 476; *Он же.* Одна из особенностей в жизни уральского мещанства // Уральская жизнь. 1899. № 45.

³² Под «уральским кустарем» в данной статье имеем в виду представителей горнозаводского сословия.

³³ См.: *Белов В. Д.* Кустарная промышленность в связи с уральским горнозаводским делом; *Ленин В. И.* Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии и общие вопросы «кустарной» промышленности // Ленин В. И. Соч. 4-е изд. Т. 2. С. 418; *Весновский В. А.* Очерк экономического положения заводского населения на Урале.

³⁴ Цит. по: *Весновский В. А.* Очерк экономического положения заводского населения на Урале.

³⁵ См.: *Весновский В. А.* Ваграночный промысел на Урале.

³⁶ См.: Урал. 1898. № 469.

³⁷ См.: О пребывании на Урале министра земледелия и государственных имуществ тайного советника А. С. Ермолова // Екатеринбургская неделя. 1895. № 34. С. 663.

³⁸ См. серию корреспонденций из Михайловского завода: Екатеринбургская неделя. 1895. № 4, 5, 7, 15, 19, 43 и др.

³⁹ Там же. № 19.

⁴⁰ См.: Урал. 1898. № 302, 458.

⁴¹ Екатеринбургская неделя. 1895. № 7. См. также: *Весновский В. А.* Рабочий вопрос на Урале.

⁴² См.: К вопросу об открытии ремесленного училища // Екатеринбургская неделя. 1894. № 15; Камбарский завод // Там же. № 21; К вопросу о ремесленной школе // Там же. 1895. № 4, 5, 7 и др.

⁴³ Михайловский завод // Урал. 1897. № 160.

⁴⁴ См.: *Белов В. Д.* Кустарная промышленность в связи с уральским горнозаводским делом. С. 18; *Ленин В. И.* Кустарная перепись 1894/95 года в Пермской губернии... С. 419.

⁴⁵ См.: *Алов А. А.* Об отмене законоположений, стесняющих устройство на Урале кустарных огнедействующих заведений. Б. г., б. м. С. 8–10 (предположительно очерк опубликован в 1900 г.).

⁴⁶ Полевской завод // Урал. 1897. № 184.

⁴⁷ См.: Огнедействующие заведения в дачах посессионных заводов // Урал. 1897. № 187. Можно заметить, что Пермское губернское земство еще в 1888 г. ходатайствовало перед министерством государственных имуществ о предоставлении права заводскому населению создавать «огнедействующие» мастерские на территории казенных горных заводов.

⁴⁸ Пермские губернские ведомости. 1896. № 183; Екатеринбургская неделя. 1896. № 358.

⁴⁹ См.: *Алов А. А.* Об отмене законоположений... С. 16.

⁵⁰ Там же. С. 8–18.

⁵¹ Там же. С. 14.

⁵² Протоколы IV съезда уральских горнозаводчиков. Екатеринбург, 1896. С. 34, 35.

⁵³ Нужны ли горнозаводскому населению кустарные промыслы (по поводу отзыва на этот вопрос со стороны IV съезда уральских горнозаводчиков) // Екатеринбургская неделя. 1896. № 26. С. 544–546.

⁵⁴ *Стрижов И. Н.* Об уральских горных заводах. Екатеринбург, 1896. С. 3.

⁵⁵ См.: *Матвеев А.* Железное дело в России в 1901 г. СПб., 1902; *Рагозин Е. Н.* Железо и уголь на Урале. СПб., 1902.

⁵⁶ *Матвеев А.* Железное дело в России в 1901 г. С. 31.

⁵⁷ *Рагозин Е. Н.* Железо и уголь на Урале. С. 131.

⁵⁸ *Матвеев А.* Железное дело в России в 1901 г. С. 31.

⁵⁹ Там же. С. 40.

⁶⁰ См.: Уральское горное обозрение. 1902. № 9. С. 4–5.

⁶¹ См.: XI съезд горнопромышленников Урала. Б. м., 1903.

⁶² Там же. С. 84, 114–115.

⁶³ См.: *В. Ш.* К вопросу о земельном устройстве крестьян Урала // Торгово-промышленная газета. 1907. 9 марта.

⁶⁴ РГИА. Ф. 37, оп. 5, д. 2110, л. 1–2; 4–6.

⁶⁵ Там же. Л. 44–56.

⁶⁶ Там же. Оп. 77, д. 255, л. 307–311.

⁶⁷ См. подробнее: *Алеврас Н. Н.* Аграрная политика правительства на горнозаводском Урале в начале XX века. Челябинск, 1996. С. 153–184.

⁶⁸ *Денисов-Уральский А. К.* Докладная записка. СПб., 1911. С. 7.

⁶⁹ *Митинский А. Н.* Горнозаводской Урал. СПб., 1909. С. 237.

⁷⁰ См.: *Озеров И. Х.* Горные заводы Урала. М., 1910. С. 253.

⁷¹ *Озеров И. Х.* Что делать. М., 1913. С. 59.

⁷² См.: *Озеров И. Х.* На темы дня. М., 1912. С. 381–382, 414, 415.

⁷³ См.: Белов В. Д. Кризис уральских горных заводов 1909 г. СПб., 1910. С. 41–43.

⁷⁴ Кустарное дело // Урал Северный, Средний, Южный. Пг., 1917. Можно было бы предположить, что автором очерка являлся В. А. Весновский. Однакостораживает отсутствие в нем характерных для этого публициста аналитического подхода и критического взгляда на состояние хорошо известной ему по ранним исследованиям сферы уральской жизни.

⁷⁵ См.: Там же. С. 238–248.

⁷⁶ См.: Ольховая Л. В. Мелкая промышленность Урала в годы Первой мировой войны. С. 333–345.

Дореволюционная страховая кампания на Урале

С. В. Ашмарина

Московский государственный университет

В 1912 г. вышел в свет закон о государственном страховании рабочих в России¹. Данный законодательный акт включал в себя комплекс мер по обеспечению рабочих в результате несчастных случаев и по болезни. До этого времени предпринимались отдельные меры по обеспечению увечных рабочих, предоставлению им врачебной помощи, опиравшиеся на индивидуальную ответственность предпринимателей. Обеспечение рабочих, утративших способность к труду, а также помощь семьям, потерявшим кормильца, в соответствии с законом должны были производиться из средств больничных касс и страховых товариществ.

Больничные кассы осуществляли выплаты (по болезни – с 4-го дня до 26 недель, а при повторном заболевании в совокупности до 30 недель в году и несчастным случаям, при потере трудоспособности – со дня несчастного случая в течение 13 недель) в виде пособий участникам от 1/2 до 2/3 заработка заболевшего (при иждивении жены и несовершеннолетних детей), от 1/4 до 1/2 заработка («при ином положении»), от 1/2 до полного заработка по случаю родов (беременным за две недели до родов и роженицам в течение четырех недель после родов), от 20- до 30-кратного дневного заработка по случаю смерти (выдавалось кассой за счет страхового товарищества).

© С. В. Ашмарина, 2006